

но из обзора наиболее выдающихся произведений, сгруппированных по тематическому признаку. Многие из характеристик писателей, произведений и отдельных образов, на наш взгляд, верны, другие вызывают желание поспорить. Однако дело не в этом. Рассмотрение отдельных произведений не подчинено, к сожалению, той проблеме, которая в данном случае является основной, проблеме развития социалистического реализма. К тому же новаторство молодой литературы рассмотрено только в идейно-тематическом аспекте.

Анализ развития социалистического реализма в чехословацкой литературе позволяет дать отпор тем, кто утверждает, что социалистический реализм был, так сказать, введен административным путем на Первом съезде чехословацких писателей в 1949 году. Но для этого необходимо не просто упомянуть о достижениях социалистического реализма в период буржуазной республики, а показать достижения писателей до 48-го года и после, как продолжение и обогащение традиций, уже прочно сложившихся в чехословацкой литературе в 20—30-х годах и в период антифашистского сопротивления.

Чрезвычайно важно также показать художественное новаторство новой литературы Чехословакии. Кстати, когда автор идет не от обзора, а от проблемы, как, например, в разделе о поэзии, где многие произведения рассматриваются с точки зрения новых критериев прекрасного, — суждения ее гораздо интереснее.

Конечно, и серьезный, квалифицированный обзор фактов, каким является эта статья, представляет интерес. Однако думается, что пора таких обзоров (которые представляли основной жанр работ в то время, когда наше литературоведение только подходило к изучению литератур стран народной демократии) прошла. В настоящее время наступила очередь работ, более глубоко и обобщенно ставящих основные вопросы развития литературы. В ряде статей рецензируемых сборников такие вопросы поставлены. В этом, а также в привлечении богатого и свежего фактического материала их значение.

И. БЕРНШТЕЙН

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ*

Чем больше вчитываешься в книгу Ф. Благовещенского, тем яснее становится, что никакая статья не может столь лаконично и объективно охарактеризовать ее, как сам автор. А потому предоставим ему слово.

Ваня Земнухов и Жора Арутюнянц — «...В их облике воплощены черты той молодежи, которая впитала в себя сознание добросовестного отношения к людям и государственному имуществу...» (стр. 25).

Вырикова и Лядская — «...Этих высказываний достаточно, чтобы иметь четкое представление об облике Выриковой и Лядской — типов весьма распространенных в трудное время жизни, подлинных представителей маразма мирного населения в годы войны...» (стр. 66).

* Ф. М. Благовещенский, Творческая история романа «Молодая гвардия», «Ученые записки Бирского государственного педагогического института», Уфа, 1957, 288 стр. Печатается по дозволению Министерства просвещения РСФСР.

Индивидуализация образов — «...Молодогвардейцы, успешно развесив на многочисленных зданиях флаги, решили повеселиться. Стройность Вани Туркенича, небрежность в движениях Сергея Левашова, безудержная подвижность Любы Шевцовой, добродушие и словоохотливость Степы Сафонова, отчаянная пляска Сережки Тюленина, молодецкая удаль Олега Кошевого, мягкость речи и задумчивость Люси Осьмухиной, нетерпеливость Жоры Арутюнянца — все это получило яркое отражение на вечере у Олега в 25-ю годовщину Октября...» (стр. 96).

Внутренняя и «поступательная» жизнь — «...Фадеев не случайно в первой части романа с такою тщательностью прослеживает внутреннее развитие краснодонской молодежи: духовные качества их находят во второй части романа прямое подтверждение в героической деятельности, внутренняя жизнь сливается с поступательной жизнью, что свидетельствует об органической натуре человека...» (стр. 54).

Художественные особенности творчества Фадеева — «...Фадеев проявил большую сдержанность в обрисовке картин натурализма. Творчеству Фадеева также чуждо любование грубыми сценами натурализма, как и любование декоративной стороной предмета. Фадеев был чужд любованию идиллическими картинками жизни и в то же время отталкивался от отражения закулисно-грязных, мелкокалейдоскопических явлений...» (стр. 33).

Творческий метод — «...Пользуясь педагогическим методом повторения с целью закрепления материала в памяти, автор на второй странице опять привлекает наше внимание к выражению глаз Ули Громовой, сравнивая их с глазами Вали Филатовой...» (стр. 188—189).

Картины эвакуации — «Вереницы машин и крестьянских повозок с криком и руганью обгоняют друг друга; торопливая укладка государственных ценностей и собственных пожитков; злоупотребление некоторых хозяйственников своим положением, выразившееся в стремлении спасти лишь свою личную жизнь и барахло...» (стр. 23).

IV глава — «...В четвертой главе автор затрагивает не только историю строительства, но и генеалогическое происхождение жителей и их диалектизмы, присущие обитателям данной местности...» (стр. 27).

Форма и содержание — «...Спор о единстве содержания и формы произведения и, следовательно, о необходимости соблюдения взаимосвязи идейно-художественного анализа с анализом формы — беспредметный, ибо это так же очевидно, как то, что тело всякого животного имеет свою определенную шкуру, как всякая шкура принадлежит определенному виду животных. Но шкура животного имеет, независимо от повадок и характера самого животного, свою ценность, но если произведение имеет ложное антиобщественное содержание, его «шкура», иначе говоря форма, не представляет самостоятельной ценности...» (стр. 220).

Реализм — «...Реалистическая литература основана на проявлениях самой действительности и убеждает нас, что не все красивые люди обладают красотой нравственной, как и не все физические уроды являются нравственными уродами. Хотя в основном здоровый дух бывает и в здоровом теле, но и в здоровое тело не всегда вселяется здоровый дух...» (стр. 62).

Критический реализм согласно программе — «...Лучшими защитниками такого направления литературы были Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Горький, с творчеством которых молодогвардейцы ознакомились на школьной скамье согласно программе Наркомпроса 1940 г.» (стр. 173).

Социалистический реализм — «...Мы склонны рассматривать социалистический реализм как новую ступень развития художественной литературы, как одну из разновидностей того критического реализма, который ведет свое начало от умелого сочетания критического отношения к действительности с утверждающим...» (стр. 15).

Процесс творчества — «...Человек, который вынашивает свое творение, обязательно пользуется методом регистрации мысли, пришедшей экспромтом. Эти мысли, мазки, линии, брошенные автором в разное время на бумагу в минуту творческого вдохновения, становятся впоследствии неповторимыми линиями...» (стр. 77).

Два приема характеристики — «...Образ стяжателя Ильи Артамонова раскрыт Горьким преимущественно через «деяние», работу мышц; образ Петра Артамонова раскрыт в основном через внутренне-психологический анализ, работу мозга...» (стр. 158).

Положительный герой — «...Положительные черты своего героя писатель должен черпать из практики самой жизни, не обожествлять его, не отрывать своего героя от действительности и всегда помнить неопровержимую мудрость: «Один бог без греха». Все дело в том, чтобы точно подметить, что и сколько «греховного» и положительного в человеке...» (стр. 153).

Из личных воспоминаний — «...Получив новую квартиру по улице Горького, Фадеев вызвал автора этих строк на собеседование и встретил оживленно, но, к моему удивлению, стал разговаривать со мною не о том, о чем я ожидал...» (стр. 133) и т. д.

* * *

Вероятно, найдутся читатели, которым эта работа покажется незавершенной. Но это дело поправимое. Каждый без особых усилий сможет продолжить список подобных цитат, ибо возможности, предоставляемые книгой Ф. Благовещенского в этом отношении, почти неисчерпаемы.

Г. ЛЬВОВА
